

Марсель Галиев

поэма

Симфония
духа

Окончание. Начало в №№ 14, 15 «КА»

Целебная сила
родного языка

129

*В начале было Слово,
И Слово было у Бога,
И Слово было Бог.*

Евангелие от Иоанна, 1.1

ЯЗЫК – загадочный код.

Ключ к нему – в воле Аллаха, Всевышнего. И только им, ключом языка открывается кладезь разума. У каждого в душе своя сокровищница языка. Ценность её и богатство в ней слов будут умножаться и пополняться в соответствии с достигаемым уровнем знаний до конца твоей жизни. Не случайно же говорится: умрёт учёный – угаснет мир... (*галим үлгәндә, галәм үлө*).

Как много слов я способен почерпнуть из кладовых родного языка? Не знаю! Восседающий на небесном троне Тенгри словно наблюдает, испытующе, мол, не терзайся, всё равно не считаешь богатства этой сокровищницы.

Мне дорога каждая лексема... Иной раз извлеку я жемчужину какого-нибудь слова, перекачиваю на языке, осторожно надкусываю и пробую на вкус: словно бы вижу внутренний блеск, цвет и запах, беру в ладони и играю, подбираю вверх. Когда звучно произношу это слово, чувствую приятную лёгкость в теле, в этот момент до меня доносится позвякивание цепи, связующей вереницу поколений, тянущейся из давних веков...

Меня влечёт сокровенный смысл слова. Подобно доносящим шум моря раковинам, в глубинах каждого слова таится свой беззвучный звук, огонь без пламени, своя душа-зарница.

Самые древние, первые слова-названия, возможно, были даны Огню и Воде: *Ут һәм Су*. Благодаря стихиям Воды и Огня стала возможна жизнь, своей ураганной мощью, разбушевав-

шись, они способны и уничтожить всё на свете..

Какое краткое и проникновенное звучание имеет самое нужное человеку слово – су (вода)! Зачатый в чреве матери ребёнок с первого мгновения живёт и развивается в воде и не может обходиться без воды ни дня на протяжении всей своей жизни.

Слова имеют корень – ту часть лексемы, что, с языка скатившись, до глубины души добралась и там навек укоренилась.

Когда произношу «Су» («Вода»), пробуждается моя память; я мгновенно мысленно возвращаюсь к родникам, чью воду отведал и перед которыми преклонял колени, к озёрам и рекам, в которых с наслаждением купался, обзреваю манящие морские просторы. Помнится, ещё мальчишкой, я как-то увязал в дальний лес за старшими односельчанками по ягоды. Когда в горле пересохло от жажды, я лёг на землю и напилсь воды из непросохшей колеи от колёс телеги. Чуть тепловатая и мутная, она, словно пылью была покрыта, кишасей мошкаркой. Но когда тропинка по пути домой привела нас к бьющему из-под горы ключу с прозрачною водой, помню как одержимый ненасытной жаждой пил, захлёбываясь, сводившую зубы ледяную родниковую воду.

Да, удивительно: сколько воспоминаний, сжимая сердце, проносится за тысячную долю того мгновения, пока звучит серебристое слово «су» («вода»).

И сколько бы я ни повторял это слово на других языках – хоть во весь голос, хоть шёпотом, к примеру: *аква* (лат.), *вода* (рус.), *вотэ* (англ.), *эу* (фр.), *эб* (фарси), не возникает у меня желания пить или других ощущений, связанных с водой. Потому что «не всосал» я звучание этих наименований с детских лет, не проросли они из моего родного языка.

Меня восхищает величие нашего родного языка. Каким коротким и проникновенным словом обозначено чудесное вещество, живительная влага, прорастившая жизнь во Вселенной: Су

– Терек су (Живая вода)! Перед глазами возникает картина: раненый воин, изнурённый палящим солнцем, собрав последние силы, доползает до своего стана и потрескавшимися губами с трудом выдавливает последнее слово: Су-у!..

Су – слово всего на один выдох. «С» – серебряный звук раскрывается, словно звоночек, «у» – легконогая гласная, способная резво унестися вдаль. Сочетание этих звуков в зависимости от ситуации может выражать то восторг, то радостную весть, то ужас, то мольбу...

Всего одно слово вытянул я для примера из богатейшей тюркской лексики, сокровищницы языка предков, обыграл его, покачав на ладони.

В период пробы пера я не находил нужных слов, испытывая беспомощность, обижался на родной язык, полагая, что он беден, чувствовал себя униженным. От злости и безысходности ломал ручку и рвал на клочки исписанные листы.

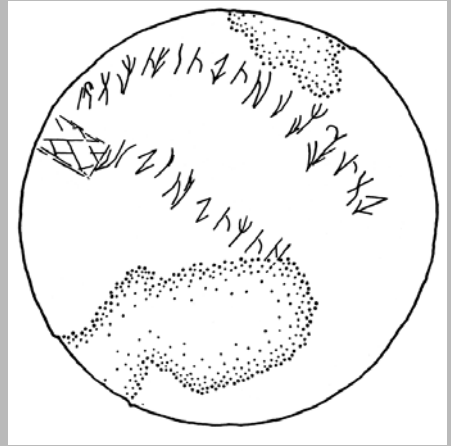
Да, «если мал твоих слов сундучок, не упрекай сокровищницу языка!» Теперь уж у меня есть намотанный колесом времени опыт. Даже самые своенравные (норовистые) слова могу схватить за холку и пустить вприсядку. Но перед тайной жизни языка я по-прежнему бессилен. Не вздумай кичиться, не тверди: мол, знаю я! Незнание схватит тебя за полу – это предостерегающая истина касается всех нас.

Для меня чистый лист бумаги – *намазлык* (молитвенный коврик). Язык – гуру, божественный учитель. Перед его величием мы всю жизнь пребываем послушными учениками. Однако страсть к познанию окрыляет мечты. Это – сопровождающий тебя до последнего вдоха источник вдохновенной жизни, творческого роста.

Для себя я сделал одно открытие: это было размышлением о воздействии родного языка, захватившее меня до глубины души...

Целительная сила родного языка... Живительная сила родного языка... Благотворность языка... – это удивительная тайна, до сих пор не исследованная

*Древнетюркская
руническая надпись
на серебряной чаше:
«...Исполняй обязанность,
предложи пить. Если
истекает яд, отбери...»
V—IV вв. до н. э., курган
Иссык, Казахстан*

ное чудо. Легко и свободно говорить на родном языке – это исцеление себя собственным голосом. Музыкальность разговорной речи, звучание отдельных слов, всколыхнув тончайшие клетки, равномерно растекается по всему телу. Благозвучие языка, вошедшее в тебя с молоком матери – в памяти тела, в пульсации крови, в порывах души – становится твоей сущностью навсегда.

Звуки родной речи то пробуждая, то настораживая, то утешая, то окрыляя надеждой неразрывные тело и душу, укрепляют состояние духа; посылают порывы страсти-силы по горячим жилам. Ты есть! В твоей воле переходить от мысли к слову, от слова – к мысли. У тебя есть родной язык!

Если ты владеешь и другими языками – слава Аллаху. Мелодика другого языка, особенности его звуков, соединившись с дыханием-ритмом родной речи, обогатят твой внутренний мир; расширят горизонты общения, появятся возможность сравнения, путешествий по миру. Однако при этом ты не должен охладеть к роднику родного языка, а обязан укреплять свой дух, всечасно пробуждая узорочье-мелодику родного языка, с наслаждением окунаясь в подобную первому весеннему дождю родную речь.

Язык матери определяет мимику говорящего на нём, взгляд, особенности интонации и музыкальность голоса. Где бы ни оказался, своих соотечественников-татар я узнаю по горячему озорному блеску в глазах, по тембру голоса. Если принял за татарина и ошибся, значит, какой-то из корешков корня родословного древа этого человека восходит к татарской крови... и он об этом даже не подозревает...

Мне приходилось встречаться с татарами, которые обосновались и живут в среде иного народа и уже забыли свой родной язык. Смак (удовольствие) от слов родного языка, обхождение у них совсем другие. Да и в глазах уж нет того характерного лишь татарам горячезорного лучика, пурпур готового вспыхнуть тлеющего уголька уже потух.

Если ты оторван от родного языка или сам, по своей воле изменил ему, не надейся, что это пройдёт безнаказанно. Когда ты предаёшься во власть чуждого тебе языка, биение твоего сердца утрачивает привычные, естественные ритм и такт. Внутреннее потрясение отпечатывается на твоём челе, во взгляде, силе духа. И тогда душа стонет, укоряет, мечется от тоски по целительной силе, чарующе-волшебному звучанию языка матери.

Если изменил родному языку – значит, не посчитался с теми ангелами на плечах, что учитывают твои грехи и добрые (благочестивые) дела на твоём родном языке.

Если изменил родному языку – значит, ты лишишься памяти об ушедших поколениях.

Если изменил родному языку – оборвётся твоя молитвенная связь с небом, с Землёй, гладившей твои ступни.

Если книга судьбы будет открыта на одном языке, а при закрытии будет переведена на другой, то тебя не простят на небесах: ты будешь обречён на проклятие Небес...

Один пример из жизни...

Гульджихан была первой красавицей у нас в деревне. Из всех девушек-красавиц она не имела себе равных. Когда она в ярко-жёлтом платье в горошек, с оборками на подоле, летящей, стремительной походкой шла по улице, казалось, будто солнце катится, перерывая яркое отражение от окна к окну, раздавая всем своё сияние. Такой вот сохранило её в памяти моё невинное мальчишеское восхищение.

В начале пятидесятых годов прошлого столетия столько девчат нашей осевшей от нищеты деревни подались в Среднюю Азию за благополучием. Лишив нашу деревню красоты, отправилась в дальний путь и Гульджихан. Сорвались вот так с родного, насиженного места и, как мне представлялось тогда, сгнули навек... Ан нет, как ни тянули Гульджихан дороги судьбы в сорок сторон, спустя сорок лет, обронив на чужбине начало своего имени – «Гуль», что означало «цветок», вернулась она в деревню бабушкой Джихан. Сводившая когда-то с ума столько парней, теперь она была только тенью того потрясающе прекрасного – теперь увядшего цветка. Смуглое лицо покрытое сетью глубоких морщин, напоминает потрескавшуюся от засухи почву. А уж худа и кургуза! Ну, просто бабочка, угодившая в паутину. «Помирать приехала, бедняжка», «Говорят, осталось ей два месяца, боле не проживёт...», «Говорят, подцепила

великую хворь, смертельную (рак)...» – перешёптывались односельчане.

Говор бабушки Джихан, нашедшей приют в доме младшей сестры, понять было невозможно. Слова чужие, мелодика речи другая. За то время, что она жила то среди узбеков и казахов, то среди таджиков и киргизов, то среди русских и украинцев, её язык истрепался, скомкался, превратился в винегрет. Сама меж тем беспрестанно говорит, расспрашивает, как называется та или иная вещь на родном языке, стараясь вспомнить, терзает собственную память. При этом постоянно в движении: спускается к роднику, гуляет в долине, поднимается на гору. Если силы покидают, то опускается на колени и карабкается по горе ползком, пальцы исцарапает, но взбирается на вершину. Нарвёт травы и, как дитя, берёт в рот, кладёт на язык и пробует на вкус. А если вспомнит название травы, от радости на глаза её выступают слёзы.

Со словами «Вот это ведь я помню, знаю!» она подносит к щеке лист матери-мачехи. Так и есть, одна сторона холодная, другая – тёплая. Затем, свернув лист, сладко зажмурившись, жуёт его. – Мать-и-мачеха (*уғи ана яфрагы*)... Вот ведь как назвали, а! Ай, наш народ!

За лето язык бабушки Джихан заметно улучшился. Словно она разворошила ил, нанесённый прошедшими годами, и вытащила сокровище-клад родного языка – покрытые окалиной монетки слов. Пересохшие в её естестве – теле и душе – колодцы языка стали оживать, просыпаться, наполняться живительной влагой. Словно бы напевность родной речи, по которой она истосковалась, нежно поглаживая всю её: натруженную спину, ноющие руки-ноги, плеснула чудодейственной, исцеляющей живой воды на каждый волос на голове, на ушные раковины, осунувшиеся щёки. У бабушки Джихан оживился взгляд, посветлел лик, стала энергичней и стремительней походка. А сама... зацепит кого-нибудь из прохожих на улице и говорит, и говорит, не отрывая от собеседника лучистый взор. Будто она – в

отместку потерянным на чужбине годам – на гибком родном языке нанизывает бисер слов, получая удовольствие и не скрывая восхищения, самозабвенно сыплет украшающими речь поговорками и пословицами, порой заглатывая отдельные звуки. А ты, забыв про всё на свете, с упоением слушаешь её дивный рассказ и не слушаешься. Она же за то, что слушаешь, бесконечно благодарна тебе, время от времени поглаживает, похлопывает по плечу, поправляет пуговицу у тебя на рубашке, по ходу разговора вставляет: «и, джаным» (о, душа моя).

Нет, это был не просто рассказ, это была песня, нет, не просто песня, это была ода запоздалого поклонения духу родного языка.

Бабушка Джихан на глазах шла на поправку. Она прожила ещё немало лет долгожданной гостьей в каждом доме – *абыстай*. Стала соловьём застолий и возносила молитвы, соседя на почётном месте (каабе дома), устланном мягкими подушками. Пробуждала в односельчанах помыслы и деяния, обращённые к Создателю, невидимой паутиной молитв соединяла их души с Небесами. Родная земля её простила. Родниковая вода пробудила память воды в её теле. А неповторимая мелодика языка матери вырвала её из когтей неизлечимой болезни.

Ещё один пример...

В годы Великой Отечественной войны (1941–1945) наш земляк Гараф Фахретдинов, попавший в плен к немцам, оказался в легионе «Идель-Урал». Пригожего парня с удивительно красивым голосом прозвали «казанским артистом». Он принимал участие в спектаклях и концертах татарских легионеров. Был близко знаком и с Мусой Джалилем.

Вспоминая те дни, Гараф-ага рассказывал, как ему удалось вызволить из фашистского концлагеря и ввести в свою среду двух узников-евреев.

«Солист из Киева – тенор Борис Попов – был евреем. По-татарски ничего не знал. Для немцев мы превратили его в мусульманина Бари Каримова, у

которого мать – татарка, а бабушка – русская.

А у скрипача Розенштейна, артиста из Ленинграда, будто бы и мать и отец – чистокровные татары. Мы ему дали фамилию Хабибуллин. Барый Каримов учил меня неаполитанским напевам, а я его – татарским. Выяснилось, что он никогда прежде не слышал татарскую музыку, его поразили лиризм и широта наших мелодий. Он открыл для себя новый мир и стал увлечённо разучивать татарские песни... Если жизнь припрёт, то и язык татарский, оказывается, человек способен быстро усвоить.

И что показательно: кого только не было среди легионеров, собранных из разных уголков страны, но никто из этих получивших различное воспитание татар не выдал немцам эту тайную, рискованную уловку. Таким образом негиблемый дух татарского народа, неповторимый напев (*моң*) татарской песни и татарский язык спасли двух талантливых сыновей еврейского народа от неминуемой смерти в крематории.

Возможно, что взаимоотношения древних наших родов – тюркского и еврейского, восходя в глубь веков, завязываются в один узел и время от времени, скромно напоминая о себе, через биотоки воздействуют на наше сознание. Чтобы разобраться в этом, следует разворошить пепелище потухшего костра истории.

В VI веке, когда византийцы заставили еврейский народ проливать кровавые слёзы, разорили его жилища и хозяйства и вытеснили из Палестины, беженцев-евреев берёт под своё крыло Хазарский каганат – государство наших предков-кыпчаков. Евреям отводятся земельные участки, им строят дома, даётся разрешение пребывать в своей вере. Для них открываются все возможности, кроме военной службы.

Евреи, в первую очередь, безусловно, берут в свои руки торговлю. Разбогатевают, им впору становятся и более высокие ступени социальной лестницы. В среде аристократов и средних слоёв общества естественным становит-

ся заключение брачных союзов, идёт смешение крови. Возможно... именно выходцы из таких смешанных родов – голубоглазые кыпчаки-евреи – ашкеназы – по-своему воздают «историческую благодарность» нашим общим предкам, отказывая в объективно-справедливой оценке истории тюрков или уводя её по ложному пути. Хорошо ещё, что живо Слово. Память Слова не смогут уничтожить ни вода, ни пламя, не перерубит его и меч... Вот недавний случай из истории, ещё не успевшей остыть и отстояться...

В семидесятые годы прошлого столетия в журнале начинают печатать роман известного писателя-публициста Константина Симонова «Живые и мёртвые». Это солидное произведение автора, на протяжении всей войны являвшегося очевидцем событий на фронте, изучившего военные будни вдоль и поперёк, потрясло литературный мир. Страницы печатных изданий распирало от восторженных отзывов о романе, неумённого восхищения, восклицаний в адрес главного героя трилогии – командарма Серпилина: «Вот он – наш русский герой!», «Вот это – русский характер!», «Вот он – русский генерал!»

Но едва успели напечатать заключительную часть книги, как наступила мёртвая тишина... Ни слова, ни звука. Почему же свернулась «широкая русская душа»? Разгадка таилась в следующих строках романа:

«...И Серпилин... вдруг там, на переднем сиденье, замурлыкал себе под нос что-то тягучее, странное, с незнакомыми словами. Сначала тихонько напевал, а потом обернулся и с непохожей на него виноватой улыбкой сказал:

– От тишины, что ли, вспомнил нашу татарскую колыбельную, которую мать в детстве пела. Всю не знаю, а два куплета вспомнил. [...]

«Вот это и было предчувствие смерти», – подумал Синцов».

И ведь как бывает... Русский герой в большинстве случаев оказывается татарин, чёрт побери...

Писатель-фронтовик Наби Даули, встретив Константина Симонова в Московском Кремле на съезде писателей, заговорил с ним об этом.

– По своему я воздвиг памятник мужеству татар... не могу даже представить себе победу в этой войне без татар... – сказал Симонов и даже тихонько под нос напел ту, серпилинскую мелодию.

Мы бесконечно благодарны Константину Симонову, великой личности, который в своё время выступил в защиту Мусы Джалиля, поведав миру о мужестве поэта, обнародовав написанные им в тюрьме стихи.

Хочется вспомнить несколько скупых слов из стихотворения, что были набросаны писателем в Стамбуле. Симонов пишет: *«Нас пятеро: два турка, и трое русских»*, – добавляет: *«Один из них я, с татарской кровью в жилах, что, впрочем, не имеет ни малейшего отношения ни к последующему, ни к предыдущему»*. Кто скажет, что французская пословица *«Grattezle russe et vous verrez le tartare»* («Поскребёшь русского – найдёшь татарина») не соответствует истине!

На Земле существуют и мёртвые языки!

Народ, не сумевший сберечь язык, ниспосланный ему многократными молитвами Бога, и народ-завоеватель, приведший его к подобной трагедии в равной степени в этом повинны.

«Чей язык – у того сила!»

Под таким лозунгом, поднятым словоно знамя, на планете продолжается необъявленная борьба. Вместе с языком уходят в небытие традиции-обычаи, помыслы-заботы, образ мыслей, убеждения, память. Затем лишившаяся своего языка и названия масса поглощается другими племенами. Это – аксиома, однако возможны и неожиданные повороты. Как ни удивительно, оказывается, государственный язык рабовладельческого государства, заставившего трепе-

тать другие этносы, может, прогнувшись под собственной мощью, взять курс на уничтожение (истребление).

Поучительный факт: латынь, ставшая имперским языком, выпала из живого разговорного обихода и была обречена на гибель. Начиная с IV столетия новой эры Римская империя начинает терять былую силу времён правления цезарей. Страна становится духовно опустошённой. Рушатся семейные устои, нравственные нормы. Повсюду царят взяточничество, разврат, распущенность. Обычаи забываются. Колизей сотрясают кишащие, беснующиеся толпы зрителей. Народ поклоняется кровавым зрелищам: гладиаторские бои, отправление доблестных богатырей на растерзание обезумевшим тиграм – всё это превращается в признак и сущность бредового развлечения. Каждое словосочетание латинского языка, на котором некогда проводились состязания ораторов – мастеров слова, мудрецов, учёных людей вроде Цицерона, – каждая фраза теперь стала двусмысленной, грубой руганью, всё это способствовало распущенности нравов. Сколько прекрасных сказаний, поэм, философских трактатов, передававшихся от поколения к поколению, становятся ненужным мусором. Пропадает вкус к чтению, художественному слову. Постепенно латинский язык выпадает из разговорной речи народа.

Но подобно тому, как ценные породы рыб перед смертью мечут икру, этот великий язык оставил после себя завадку для зарождения языков романской ветви – испанского, французского, португальского, итальянского, румынского, молдавского. Со временем латынь становится научно-книжным языком и языком богослужения католиков.

У аборигенов Северо-Американского материка, состоявших из различных племён существовало 76 разговорных наречий. После захвата испанскими, португальскими конкистадорами, французскими и английскими головорезами начинается уничтожение народов майя. Христианские миссионеры устраивают

массовое сожжение их бесценных книг. Священники, прижав к груди Евангелие, в котором содержался постулат «Слово было от Бога», одобряя, с превосходством благословляли самоуверенными голосами этот кошмар, направленный против Всевышнего.

В США за период начиная с 1887 года, когда был принят закон о запрещении преподавания в школе языков индейцев, и до 1990 года, когда была предоставлена возможность развивать языки, успело исчезнуть из обихода и умереть 60 языков.

После завоевания Австралийского материка из употребления вышли 30 местных наречий.

Тюркский народ под названиями «хун», «тюрк» тысячелетиями состязался («боролся на поясах») с Китаем; хотя народ «чин» и вынудил жить за каменным ограждением, заставив возвести вдоль границы протянувшуюся на тысячи километров высокую стену, но распри возникали постоянно; победа склонялась то к тюркам, то к Китаю. (Если, потерпев поражение, заключаешь мир, то должен был признать Китай «старшим братом». Это словосочетание «старший брат», с удовольствием перенятое русскими, пришло оттуда, с Востока.)

Во времена династии Суй (581–618) Восточный тюркский каганат отделяется от Западного – и остаётся подвластным Китаю. В 604 году (в этот период китаизация тюрков уже началась) Джангаркаган пишет китайскому императору такое письмо:

«...Я подчиняюсь Вам. Плачу ясак, посылаю ценные подарки. Вы хотите с моей помощью изменить язык моего народа, обрезать нашим длинные волосы? Ваши старания одеть людей на китайский манер, уничтожить наши обычаи напрасны! Такое народ воспринимает неохотно и против этого сплотится в единое сердце!»

После взятия Казани – врат Востока – у оставшейся необузданной Москвы расширяется поле для «брыкания». Народы Великой степи один за другим начинают преклонять колени. А когда

окрепла, она начинает переходить в наступление против языка, религии народов.

В XIX веке царская Россия начинает завоёвывать отдельными участками подобные райским садам земли Кавказа. И с помощью огнестрельного оружия, и различными ухищрениями... Обычно в переломные моменты судьбу народа решает не сам народ, а небольшая кучка, которая правит страной. Несколько ответственных лиц могут или продать свой народ, или сбить его с толку. Пример тому горестная судьба родственного абхазам народа – убухов. Обманув, прельстив, разлучив с отчим домом, народ, испокон веков привыкший жить высоко в горах, переселили в низменные места. Затем попавших в безвыходное положение убухов, погрузив на корабли, увезли в Турцию. Подстрекателями были несколько представителей знати убухов, продавшихся Москве за узелок с золотом. В Турции, на бесплодных землях, весь убухский народ погиб от голода и нищеты. У абхазского писателя Баграта Шинкуба есть об этом потрясающий роман («Последний из ушедших», 1974). Автор, приехав в Турцию, встречается и беседует со столетним стариком, единственным выжившим убухцем. Именно тогда народный поэт Абхазии Баграт Шинкуба успел в последний раз услышать звучание убухского языка, которому, как и народу, его носителю, предстояло бесследно исчезнуть с лица земли.

На роскошном кусте языков землян, как экзотичные цветы, тысячелетиями росли и расцветали по принципу «отдельный кишлак – свой отличный от других язык» языки разных, даже очень малочисленных народов. А вот в последние века наблюдается исчезновение языков одного за другим, словно мощное цунами смывает качающиеся посреди океана маленькие острова. И эта неотвратимость поглощения катастрофически ускоряется.

В настоящее время много говорится о неизбежности так называемой глобализации на Земле; о мифе, за которым

кучка считающих себя «обладателями мирового трона» владельцев транскорпораций пытается скрыть свою неумную алчность, стремление получить невиданную прибыль. Значит, на будущее предусмотрен дьявольский план: собрать в одну горсть всё мировое богатство, все нации обезличить и объединить, чтобы остались только одна страна, один народ, одна религия, один язык. Все религии, в своё время палец о палец не ударившие для сохранения языков, безразличные к постулату Господа «Слово – сам Бог», будут отправлены в анналы истории, и избранные введут новую религию, служащую им.

Не знающая границ правящая сила, ошалевшая от умопомрачительных и безмерных возможностей, начнёт с сокращения численности народов, превратившихся в манкуртов, и приступит к ещё более коварным опытам.

За всем этим маячит буря страшной трагедии, угрожающей жизни на планете, из которой высосан костный мозг (высосана кровь, жизненные соки). Не стоит думать, что исчерпав терпение, земля не встряхнётся резко и не отряхнёт на её плечи пыль, так называемое человечество...

Может быть, ещё в древности, представляя возможность такой зловеще-жуткой будущности, человечеству была ниспослана настораживающая весть через простую, но мудрую легенду о Вавилонской башне?.. Вот её суть.

...Алчность пресытившегося счастьем безграничной власти вавилонского царя вышла за пределы Земли, ему захотелось объять и овладеть владением Всевышнего – Небом. По приказу правителя народ приступил к возведению невиданной доселе башни. Когда башня поднялась на безграничную высоту, почти достающую небесного свода, встревожился сам Бог. Он отправил на Землю семьдесят своих ангелов, высочайше приказав отнять у строителей язык, на котором они объяснялись между собой. После деления на группы, в каждое из племён был внедрён свой язык, понятный только этому племени.

Когда множество языков смешалось, люди перестали понимать друг друга, строительство башни остановилось. Цель – завоевать Небо – осталась несбыточной мечтой. Так на Земле появилось несметное разнообразие языков.

В эту легенду, содержание которой на первый взгляд кажется наивным, вложен глубокий смысл. Сказанием о Вавилонской башне – Всевышний предостерегающе погрозил пальцем. Эта легенда – код, в ядро которого заложено грозное предупреждение... Очередной Вавилонской башне не бывать! Стремление к единому языку – это конец. Гибель цивилизации.

«А если не так... Горькое эхо тысяч мёртвых языков наполнит континенты. А если род людской без рода и племени, подчиняясь единому языку кнута, опять начнёт возводить цоколь Башни в Вавилонии... то всепожирающий монстр – единый язык-могикан пригодится лишь для эпитафии, возвещающей о закате жизни на Земле».

Может, мы уже вступили в эпоху, когда раскрывается смысл этого кода и предоставляется шанс получить урок. Ведь горькая истина перед глазами. По утверждениям учёных, на сегодняшний день в мире имеется 6809 живых разговорных языков, из них к концу века могут выйти из употребления примерно около 6000.

Обнадеживающим считается будущее *китайского, английского, немецкого, арабского, французского, испанского и русского языков.*

Очевидно, что уверенное существование языка, его жизнеспособность в значительной мере зависят и от численности народа. Я в данном случае не затрагиваю вопрос о том, что наши предки-тюрки тысячелетиями устраивали резню друг с другом, проливали кровь, воюя брат с братом из-за земли, трона, богатства, и за это время уничтожили миллионы своих собратьев. Хочется напомнить, что татары рассыпаны по миру, что только за последнее время более миллиона человек мы отдали великодушно, чтобы укрепить по-

ложение наших соседей. История такую щедрость не прощает. Каждый человек – живая клетка языка. Если мы не сумеем ценить и беречь это достояние, то колодец языка будет усыхать капля за каплей.

Как видите, в перечне языков, имеющих будущее, нет ни одного родственного нашему (языки независимых государств – турецкий, азербайджанский, туркменский, киргизский, казахский, узбекский – в списке не названы). Вместо того чтобы общими усилиями возвести мост через пропасть, бесстрашные всадники порой проявляют трагичную решительность, стремясь перепрыгнуть на берег счастья поодиночке – эта особенность характерна тюркскому миру, в жилах которого пульсирует степная наивность.

Как ни жаль, но джигиты-тюрки с открытой как степь душой и орлиным духом уже не герои на сцене времени, не кагарманы.

Пока исламские страны наслаждались, устраивая развлечения, транжиря кучу золота, полученного за нефть, учёные-евреи, расщепляя атом, изготовили грозное невиданное доселе оружие для европейских стран. Сильные государства теперь охраняют свой язык с помощью атомного щита. И никакие международные организации не могут предотвратить их вторжение в другие страны под каким-либо надуманным предлогом. Рассчитывать на гуманность политики, не признающей границы совести – лишь глупое оправдание своего бессилия. Увы... человеческое общество, растаптывая моральные устои, святые понятия и нравственные ценности, вступает в фазу разнузданности.

А цифры беспощадны.

В многонациональной России на сегодняшний день насчитывается 174 разговорных языка (18 языков оказались осуждены на исчезновение, 3 – сохранились как книжные. Конечно, остаётся подозрение, что эти цифры приуменьшены).

В 2009 году ЮНЕСКО признало, что в России отпадёт потребность в

136 языках. Значит, ещё столько же народов-национальностей утратит название и суть.

Один из поднимающихся на эшафот, кому на лоб поставили печать бесперспективности – не мой ли это народ?!

В настоящее время империя не прибегая к пролитию крови и слёз, используя спокойно коварный способ, может изжить язык любого из народов, попавших под её крыло! Ведь наполняющий язык прозрачно-чистый родник – в детях. Лишь обрываешь живую связь, которой изначально надлежит соединить младшее поколение со старшим, и... прикрепляешь спущенную сверху «буку» с предписанием: «Татарскому языку входа нет!»...

И пока опутанный ещё пушистым ростом числа смешанных браков народ, чей национальный дух неуклонно слабеет, опомнится... Через несколько лет молодое поколение незаметно даже для самого себя превратится в могильщика Родного языка и поставит кладбищенскую ограду.

«Если скажут: завтра исчезнет твой язык, я готов умереть сегодня», – сказал великий Поэт.

Какая нас ждёт судьба?

Можем ли оставаться равнодушными, когда молодые побеги величественной кроны нашего могучего языка стали побивать заморозки?!

У тех, в ком есть душа, пусть вос-

прянет душа, в ком есть кровь, пусть вскипит кровь, в ком есть разум, пусть проснётся разум – взывает к нам язык Матери, в чьё сердце нацелена ядовитая стрела.

– Может быть, ещё не поздно, вскинь на седло свою душу, татарский народ!

Ты – степной богатырь, державший в узде конную эпоху. Своё распрямление тебе следовало начинать не с памятника вялой кляче с хомутом невзгод на шее, тебе надлежит приняться за возведение монумента разорвавшему, изжевав, удила, поднявшемуся на дыбы яростному аргамаку, чья грудь наполнена горячим дыханием раздольной степи.

«В начале было Слово...»

Каким оно было, это молитвенное слово, благословившее появление всего живого на Земле? Хотим ли мы понять, слышим ли мы Язык матери? Всевидящий, всечувствующий и всепрощающий наш родной язык, каково ему? Страдает ли, заставляя судорожно биться охваченное пламенем сердце, полное терпения, сожалеет ли, предупреждает ли, предостерегает ли, печалится ли, грустит ли, горюет ли?..

А может быть... САМА ЗЕМЛЯ, несомая потоком Вселенной, и есть то самое мудростью неисчислимых миллиардов звёзд в небесной книге написанное – и будущее, и конечное – СЛОВО из СУРЫ, предназначенное быть понятым нами?

Перевод З. Халитовой

2013